

Научная статья

УДК 811.161.1'37:392.7

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16307>

EDN: <https://elibrary/ISYGDI>

ПРАГМАТИКА ОЦЕНКИ В СВЕТЕ КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА: МОДЕЛЬ «ТОТ ЕЩЕ / ЕЩЕ ТОТ Х» В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Т.Б. Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

timur@radbil.ru

Аннотация. В статье рассматриваются семантические и прагматические особенности дискурсной реализации русских разговорных коллокаций, которая отражает разнообразные коннотативно-оценочные эффекты. В центре исследования находится экспрессивная модель «тот еще / еще тот Х». Использована методика корпусно-дискурсивного анализа. Материалом исследования являются примеры употреблений, извлеченные из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. Объем исследования составил массив контекстов в 200 единиц, полученный методом сплошной выборки и размеченный в соответствии с наличием имплицитной положительной/отрицательной оценочности или ее отсутствием. Помимо отраженной в научной литературе и лексикографических источниках возможности негативно-оценочных употреблений анализируемой модели, сопровождающихся выражением неодобрения или пренебрежения, и ее позитивно-оценочных употреблений, сопровождающихся выражением одобрения или восхищения, проведенный корпусно-дискурсивный анализ выявил еще одну группу употреблений, нейтральную по знаку оценочности, но при этом, без сомнения, имеющую эмоционально-экспрессивную маркированность: «в значительной степени выделяющийся по характеристикам, свойствам, признакам, присущим определяемому понятию». Таким образом, показано, что модель «тот еще / еще тот Х» выступает как шифтер, или как прагматический оператор интенсификации, указывающий на нарушение нормы говорящего, то есть обозначающий что-то из ряда вон выходящее (в хорошем, в плохом или в нейтральном смысле). Особое внимание уделяется случаям эвфемистического употребления данной модели, эксплуатирующим фигуру умолчания. Представленный в завершающей стадии исследования количественный анализ позволил выявить значительное преобладание негативно-оценочных употреблений анализируемой модели в речевой практике современных носителей русского языка. Делается вывод о том, что в большинстве случаев выражение «тот еще / еще тот» можно рассматривать как репрезентативный контекст для выражения такой специфической неоднозначной разновидности ценностей в русском мире, как псевдоценность (ложная, мнимая ценность).

Ключевые слова: модель «тот еще / еще тот Х», имплицитная оценочность, прагматический интенсификатор, корпусно-дискурсивный анализ, квантитативный анализ, русская разговорная речь.

Для цитирования: Радбиль Т.Б. Прагматика оценки в свете корпусно-дискурсивного анализа: модель «тот еще / еще тот Х» в русской разговорной речи // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 102–115. DOI: 10.18721/JHSS.16307

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16307>

PRAGMATICS OF EVALUATION IN THE ASPECT OF THE CORPUS-DISOURSE ANALYSIS: THE MODEL “TOT YESHCHE / YESHCHE TOT X” IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH

T.B. Radbil

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

 timur@radbil.ru

Abstract. The article examines the semantic and pragmatic features of the discursive implementation of Russian colloquial collocations, which reflects various evaluative effects. The focus of the study is the expressive model “tot yeshche / yeshche tot X”. The corpus-discourse analysis is used. The study is based on examples of usage extracted from the main corpus in the Russian National Corpus. The study reveals a set of contexts in 200 units, obtained by the method of continuous sampling and marked in accordance with the presence of implicit positive/negative evaluation or its absence. In addition to the possibility of negative-evaluative uses of the analyzed model, accompanied by expressions of disapproval, and its positive-evaluative uses, accompanied by expressions of approval or admiration, reflected in scientific literature and lexicographic sources, the presented corpus-discourse analysis revealed another group of uses, neutral in terms of evaluation, but at the same time, having emotional-expressive marking: ‘significantly distinguished by characteristics, properties, features inherent in the defined concept’. Thus, it is shown that the model “tot yeshche / yeshche tot X” acts as a shifter, or as a pragmatic operator of intensification, indicating a violation of the speaker’s norm, that is, denoting something out of the ordinary (in a good, bad or neutral sense). Particular attention is paid to cases of euphemistic use of this model, exploiting the figure of silence. The quantitative analysis presented in the final stage of the study allowed us to identify a significant predominance of negative-evaluative uses of the analyzed model in the speech practice of modern native speakers of Russian. It is concluded that in most cases the expression “tot yeshche / yeshche tot X” might be considered as a representative context for expressing a specific ambiguous type of value in the Russian culture as pseudo-value (false, imaginary value).

Keywords: model “tot yeshche / yeshche tot X”, implicit evaluation, pragmatic intensifier, corpus-discursive analysis, quantitative analysis, Russian colloquial speech.

Citation: Radbil T.B., Pragmatics of evaluation in the aspect of the corpus-discourse analysis: the model “tot yeshche / yeshche tot X” in russian colloquial speech, Terra Linguistica, 16 (3) (2025) 102–115. DOI: 10.18721/JHSS.16307

Введение

В статье обсуждаются очередные результаты продолжающегося исследования неявных способов выражения «языка оценки» в разных дискурсивных практиках современных носителей русского языка [1]. Наше внимание акцентируется на семантических и прагматических особенностях дискурсивной реализации русских разговорных коллокаций, которая находится в сфере действия активных процессов в современном русском языке [2, 3]. Непосредственным предметом исследования является экспрессивная модель *tot еще / еще tot X*, с которой связаны разнообразные коннотативно-оценочные эффекты, не всегда находящие отражения в научном описании или в лексикографическом представлении.

Разговорное выражение *tot еще / еще tot* не слишком избаловано вниманием исследователей в современной русистике, хотя оно представляет немалый интерес для понимания того, как «работает» прагматика оценки в реальном функционировании языка, исследовательской

моделью которого выступают корпусные данные. В современных словарях мы встречаем довольно разрозненные и порой противоречащие друг другу интерпретации его семантики. Так, в академических толковых словарях русского языка эта коллокация вообще не представлена. Правда, в БАС в словарном описании местоимения *тот* (без добавления *еще*) имеется толкование, которое можно считать основой и для совокупной семантики сочетания *тот еще*, с характерной пометой *просторечие*: '*Простореч.* Выдающийся по каким-либо качествам. — По седьмому году кралю себе завел... Чистенькая да кроткая, ровно яблонька... Словом, та красавица! Леон. Взятие Великошумска, 11'¹.

Только в словаре «Новые слова и значения» (1984) под ред. Н.З. Котеловой обнаруживается трактовка целого сочетания *тот еще* как разговорного: '*О таком, который выделяется своими (чаще отрицательными) свойствами (в разгов. речи)*'², которая очевидным образом отличается неполнотой; кроме того, отсутствует указание на инвертированный вариант *еще тот*. В более современном БТСРЯ (2000) под ред. С.А. Кузнецова в словарной статье, посвященной слову *еще*, встречаем, напротив, толкование сочетания *еще тот* (без указания на вариантность с *тот еще*): '*разг.-сниж.* О том, кто выделяется своими (обычно отрицательными) качествами. *Он ещё тот мошенник!*'³. Также выражение *еще тот* (без варианта *тот еще*) как просторечное представлено во Фразеологическом словаре русского языка А.И. Федорова (2008): '*Прост. Ирон.* Очень плохой, никуда не годный'⁴. Обратим внимание на то, что акцент делается на главным образом негативно-оценочный характер анализируемой коллокации. Более полно семантика *еще тот* охарактеризована в Викисловаре: 1. *пренебр., неодобр.* выражение сомнения в чём-либо, неодобрение чего-либо; 2. *одобр.* выражение уверенности в чём-либо, в чьих-либо способностях, о проявлении чего-либо в значительной степени'⁵. Здесь в целях нашего исследования важно указание на то, что возможна не только отрицательно-оценочная, но и положительно-оценочная реализация значения выражения, что подтверждают и приводимые в иллюстративном материале к значениям примеры из Национального корпуса русского языка⁶.

В немногочисленных научных работах, посвященных интересующей нас модели *тот еще* / *еще тот X*, в целом отражен примерно тот же спектр возможных типов употреблений. Так, С.В. Друговейко-Должанская, рассматривая оба варианта: *тот еще* и *еще тот* — как равноправные, выделяет следующие значения: '*1. в функции определения.* Такой, который абсолютно не соответствует ожиданиям, предположениям; не тот, каким должен быть // *Исключительно плохой.* 2. *В высокой степени обладающий качествами, свойственными определяемому понятию // в функции усилительной частицы.* При сочетании с сущ., выражающими негативную оценку'⁷. В свою очередь, И.Б. Левонтина отмечает для современного употребления этого выражения наличие общей негативной оценочности («плохой») и трактует его как «сочетание, которое может относиться к чему угодно, выражающее неопределенно-отрицательную оценку и какое-то непонятное ехидство»⁸.

Также в упомянутых работах был высказан ряд ценных соображений о происхождении этого выражения в устной речи. Так, С.В. Друговейко-Должанская полагает, что оно возникает

¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 15. 1963. С. 364.

² Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Е.А. Левашов, Т.Н. Поповцева, В.П. Фелицына и др.; под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. С. 725.

³ Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 298.

⁴ Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: АСТ; Астрель, 2008. С. 386.

⁵ Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/ещё_тот (дата обращения: 17.04.2025).

⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.04.2025).

⁷ Друговейко-Должанская С.В. То еще выраженьице... [Электронный ресурс] // Культура письменной речи: Портал GRAMMA.RU. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.84> (дата обращения: 17.04.2025).

⁸ Левонтина И.Б. Милые улики [Электронный ресурс] // Ворчалки о языке: Портал СТЕНГАЗЕТА. 26.11.2008 // URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=5520> (дата обращения: 17.04.2025).

в результате закономерного для разговорной стихии языка упрощения, редукции исходных, синтаксически усложненных конструкций, присущих письменной речи предыдущего периода развития языка (примерно вторая половина XIX в. — начало XX в.): *‘кто..., тот еще не + существительное со значением оценки (чаще положительной)... / не тот ещё + существительное со значением оценки (чаще положительной), кто...’*⁹ И.Б. Левонтина подчеркивает, что данный оборот является советизмом, который по происхождению выступает как эвфемистическая замена выражений *дореволюционный, из прошлой жизни*; изначально выражение не имело семантики ‘плохой’, но со временем произошло его семантическое расширение и изменение знака оценочности с положительной или нейтральной до отрицательной¹⁰. Считается, что в просторечии этот оборот существует где-то с 1940-х гг., а примерно в 1960-е гг. он получает распространение в художественной литературе и публицистике (именно к этому периоду относятся самые ранние примеры из Национального корпуса русского языка).

Как видим, представленные в словарях и научной литературе сведения нуждаются в определенном упорядочивании. Предлагаемая в настоящей работе процедура корпусно-дискурсивного анализа позволяет уточнить как сам исходный перечень возможных значений, так и условия их речевой реализации. Таким образом, мы можем наметить **цель исследования** — на материале корпусных вхождений описать семантические и прагматические особенности дискурсивной реализации разговорной экспрессивной модели *тот еще / еще тот X* и верифицировать полученные данные посредством квантитативного анализа.

Методология, методы и материал исследования

Методологической базой исследования выступает когнитивно-дискурсивный подход к исследованию корпусных данных, основанный на работах В.Е. Чернявской и ее коллег [4, 5] и во многом коррелирующий с зарубежными разработками в области «аффективной» прагматики [6] и экспериментальной прагматики [7]. Использована развиваемая нами методика корпусно-дискурсивного анализа [8]. Речь идет об анализе, ориентированном на корпус: из корпуса по заданным параметрам извлекаются контексты, которые затем подвергаются качественной интерпретации и количественной оценке. При этом постулируется, что массив корпусных употреблений является моделью реальной речи, отражением реальных речевых практик носителей русского языка. Методика опирается на концепцию «наведенной оценочности», основанную на выявленном классиками корпусной лингвистики феномене «семантической ауры (просодии)» [9, 10], Имеется в виду не вполне осознаваемый носителями языка, но регулярно воспроизводимый ими в речи смысл, как правило, оценочной природы, который фиксируется на большом массиве корпусных вхождений анализируемого выражения по его ближайшему или дальнейшему контекстному окружению (по коллокатам) [11].

Наведенная оценочность, в нашем понимании, характеризуется как разновидность неявной, скрытой оценочности, которая не отражается в словарных толкованиях лексем на системно-языковом уровне, но имплицитно определяется непосредственным контекстным окружением диагностируемой единицы, под влиянием определяемого или определяющего слова, однородных слов, интенсификаторов или конкретизаторов и пр. В работах Е.В. Чернявской эффекты подобного приращения коннотативно-оценочных смыслов для того или иного слова или выражения именуются «деонтическим значением» [4]. Также предлагаемый подход вполне коррелирует с разрабатываемой в работах С.Т. Нефедова категорией «латентной оценочности», или «имплицитной оценки»: «Нередко текстовое высказывание не содержит в своей речевой структуре эксплицитно-оценочных лексем или выражений и на поверхности кажется нейтральным,

⁹ Друговейко-Должанская С.В. То еще выраженьице... [Электронный ресурс] // Культура письменной речи: Портал GRAMMA.RU. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=14.84> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁰ Левонтина И.Б. Милые улики [Электронный ресурс] // Ворчалки о языке: Портал СТЕНГАЗЕТА. 26.11.2008 // URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=5520> (дата обращения: 17.04.2025).

но в действительности оно, как правило, нацелено на то, чтобы вызвать у адресата оценочную реакцию на сообщаемое» [12, с. 1701]. В этом контексте автором постулируется полезное и в целях настоящего исследования научное понятие «катализаторы оценки», к которым, например, относятся операторы отрицания, модально-эпистемические компоненты, коннекторы и другие эгоцентрические единицы языка. Идея имплицитной оценочности развивается также в работах П.И. Кондратенко [13], Е.С. Клочковой [14] и др. Следует отметить, что такая оценочность является при этом объективной, потому что регулярно воспроизводится в повторяющихся типовых контекстах употребления интересующего нас слова, что можно верифицировать по репрезентативным выборкам из корпуса.

Непосредственная процедура исследования на начальном этапе предполагает изучение лексикографического материала, которое впоследствии уточняется и объективируется в ходе корпусного исследования; на завершающем этапе происходит верификация полученных результатов посредством количественного анализа и последующей контенсивной интерпретации статистических данных.

Материалом исследования являются контексты употребления выражения *тот еще / еще тот*, извлеченные из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка, а также лексикографические данные русских толковых, неологических и фразеологических словарей. Объем материала составил по 100 полученных методом сплошной выборки контекстов употребления, соответственно, для выражений *тот еще* и *еще тот* отдельно (итого 200 единиц корпусного материала), которые размечаются «вручную», по аналогии с существующей методикой анализа эмоциональной тональности текста (так называемого «сентимент-анализа») [15], как позитивно-оценочные, негативно-оценочные и не имеющие оценочности (нейтральные, внеоценочные). Далее осуществляется количественный анализ контекстов по наличию имплицитной негативной/позитивной оценочности или по отсутствию таковой. Анализ проводится по первым ста вхождениям в основной корпус Национального корпуса русского языка отдельно по вариантам *тот еще* и *еще тот*.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный анализ корпусного материала позволил уточнить и систематизировать лексические значения, синтаксические свойства и прагматические функции выражения *тот еще / еще тот* следующим образом:

(1) негативно-оценочные употребления (сопровождающиеся эмоционально-экспрессивной коннотацией – выражением неодобрения или пренебрежения). Представлены в трех разновидностях:

(1.1) *в роли определения*. Нормативно-оценочное значение ‘не соответствующий норме, не такой, какой ожидается говорящим или какой должен быть; сомнительный, неправильный’:

Значит, ждать полтора месяца, пока Колька вернется из своего путешествия, а потом отлавливать его возле гаража. Та еще перспективка! [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)];

Вид у меня, и не смотрясь в зеркало, был тот еще – босой, в одном нательном белье, наверняка растрепанный, с пистолетом в руке... [А.А. Бушков. Дверь в чужую осень (сборник) (2015)];

Имени он, заглянув в ее карточку, так и не разобрал, почерк у врачей еще тот; год рождения – это можно было прочитать – Мишин [Максим Жуков. Третья степень // «Сибирские огни», 2012];

Печка – сливочного оттенка. Цветопередача еще та к сожалению [Форум: Апгрейд дачной кухни (2011–2013)];

(1.2) *в роли определения*. Общеоценочное значение интенсифицирующего характера ‘исключительно плохой’:

*Мы сидели друг против друга — я видел, С. тяготеет обстановкой: интерьер пэгэтэшного кафе и отдаленно не напоминал то, к чему худо-бедно привыкла она в «city», а уж о приглашенных — **та еще компания** — и говорить нечего [Н.Ф. Рубанова. [Её университеты] Из цикла Love-story // «Волга», 2010];*

*Ты, конечно, **домохозяйка та еще**, но это как раз тот случай, когда не в домашнем уюте дело [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)];*

*За соседним с ними столиком мрачно и значительно похлебывал кофе, каждым глотком вспоминая цену в меню, **еще тот экземпляр**, из придирчивых... [Улья Нова. Инка (2004)];*

*Мой так вообще, **клиент еще тот**, простые вещи не может ни решать ни комментировать... [Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум) (2005)];*

(1.3) в роли усилительной частицы — выполняет чисто интенсифицирующую функцию при опорных словах с эксплицитно негативной семантикой:

*У них там зам по производству, с кондитерской фамилией, — **тот еще хмырь**... [М.Е. Окунь. Колечки (2014) // «Волга», 2015];*

*Да и Сережка **тот еще козел**: как она его из армии верно ждала, а он вернулся с женой [Владимир Ханан. Таня и ангел. История одного самоубийства // «Волга», 2013];*

*Сам Филипп Добрый был **еще та сволочь**, а прозвище свое получил потому, что «хорошо держал в руках шпагу», а не почему либо другому [Аркадий Ипполитов. Рассказ о парне с прической «видал эссун» // «Русская жизнь», 2012];*

*— Да нет, — отвечает Шурик Опанасенко, — это Виталик Хуторской, вожатый третьего отряда, **гнида еще та**, ну ты с ним еще встретишься [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)];*

(2) в роли определения. Положительно-оценочные употребления (сопровождающиеся эмоционально-экспрессивной коннотацией — выражением одобрения или восхищения) 'в значительной степени проявляющий свои способности или положительные качества; замечательный':

*Мне в школе нравится: двухмесячный летний отпуск, работа творческая, интересная, детки в рот заглядывают — тоже **то еще чувство**! [Форум: Мужчина в школе (Взгляд на Мужчину в школе снаружи и изнутри) (2011)];*

*Я его знал. **Тот еще** был **мужик**. Сильный, громкий. Она за ним как за сейфовой дверью горя не знала. В нефтяном бизнесе крутился. Хороший мой приятель, кстати [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)];*

*Сергея Жуков сказал, что я неплохой мелодист. А Сергей Жуков — **мелодист еще тот**. Потому что у него за всю карьеру хитов не 5 и не 10, а за 20, может быть [Андрей Никитин, Федук. «Я чувачок, у которого получается»: Федук — о себе, Урганте, «Версусе» и околофутболе (2018.04) // Афиша Daily, 2018];*

*Этот, как ты изволил выразиться, пенсионер — следователь по особо важным делам. Зовут его Василий Семенович Трегубец, он **зубр еще тот**: около сорока лет работы в органах. Опыта таким, как ты, на четверых хватит [Петр Галицкий. Цена Шагала (2000)];*

(3) в роли определения. Внеоценочные, нейтральные по знаку оценочности употребления (сопровождающиеся эмоционально-экспрессивной коннотацией интенсифицирующего характера) 'в значительной степени выделяющийся по характеристикам, свойствам, признакам, присущим определяемому понятию':

*А то и вовсе все сделано из алюминиевых сплавов, сварка которых **та еще задача** [Гиперболоид для жестянщика (2004) // «За рулем», 15.02.2004] (= очень трудная задача);*

*На самом деле такое поведение Рубика осуждать ни в коем разе нельзя. Четвертная контрольная — **то еще испытание** [Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)] (= очень сильное испытание);*

Потому как его образование — это тоже **еще тот камень преткновения**. Весь год благонамеренные родители разрываются между работой, домом и воспитанием ребенка [Пять звездочек невооруженным глазом (2002) // «Домовой», 04.03.2002] (= очень существенный камень преткновения);

Сначала у Ирины ничего не получалось. **Характер** у лис оказался **тот еще**. В отличие от собак, стайных одиночек-кошек [Диана Злобина. Зачем ученые лис приручили // «Русский репортер», 2014] (= очень сложный характер).

В соответствии с развиваемой нами концепцией исследования важно отметить, что практически во всех приведенных выше случаях оценочность является **наведенной**, равно как и «чистая», внеоценочная интенсификация, то есть она имплицитруется ближайшим или дальнейшим контекстным окружением. Проще говоря, *та еще / еще та погода, тот еще / еще тот характер, то еще / еще то испытание* и под. — это что-то хорошее, что-то плохое или ни хорошее, ни плохое, а просто обращающее на себя внимание своей исключительностью, с позиции говорящего, — выясняется только в зоне инференции как выводного знания, в пределах всего фрагмента, например:

Погодка была та ещё. Небо затянуто серым. Снег, спрессованный в подобие градин, но мягких, сыплет изобильно, стараясь повыбивать глаза очумелым путникам. Ветер порывами крадёт остатки человеческого тепла... [Олег Селедцов. Преступление и наказание. Век XXI // «Ковчег», 2012] → погода негативно оцениваемая, «плохая»;

— Ц-ц-ц-ц, — восхитился Рахматулло. Смотри-ка ты, какой все-таки крупный чай хозяин пьет! // — Да уж: китайский, английского развесу, — пояснил Хуршед. — **Тот еще чаек**. Мы с тобой такого не купим [Андрей Волос. Сирийские розы // «Новый Мир», 1999] → чаек позитивно оцениваемый, «хороший»;

Да и две партии в день — тоже еще та нагрузка [Александр Злочевский. От перемены слагаемых... (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 15.05.2004] → нагрузка не оценивается ни положительно, ни отрицательно, просто эмоционально характеризуется как сильная, тяжелая.

Это позволяет сделать некоторые наблюдения над семантическими свойствами и прагматическими функциями самой анализируемой модели *тот еще / еще тот* X. Компонент *тот еще / еще тот* выступает как «шифтер», то есть прагматический оператор интенсификации, указывая на исключительность, чрезмерность чего-то, то есть как на своего рода индикатор нарушения прагматической нормы говорящего. Всем употреблением оборота в дискурсе можно приписать общую, базовую, прототипическую концептуальную схему — указание на что-то **из ряда вон выходящее** (а в хорошем, в плохом или в нейтральном смысле — уже конкретизирует дальнейший контекст).

Так, в фрагменте: *В юности каждое лето проводил в тех краях, объезжая на дедовском ИЖ-56 (надо заметить, 56-го года выпуска) окрестные деревни, а уж в Черную Речку мы заглядывали каждый вечер: развалившийся сельский клуб, колорит еще тот...* [Дискуссия // «Русский репортер», 2012], — *еще тот* акцентирует внимание на некоем нарушении привычного порядка вещей, которое, как явствует из дальнейшего контекста, закономерно оценивается отрицательно.

С другой стороны, в фрагменте: *А еще — спровоцировал бы его, вступил бы с этим сумасшедшим в диалог и постарался бы запомнить в этом абсурде всё до мелочей, чтобы потом в лицах передать это Кате. Она ведь еще та хохотушка. С ней весело — вот что укрепляет наши отношения...* [А.П. Вергелис. Секунда малодушия // «Волга», 2013], — *еще та* выделяет свойство девушки, которая очень любит смеяться, как аномальное, проявляющееся чрезмерно, тогда как лишь дальнейший контекст имплицитует положительное отношение говорящего к обозначаемому лицу.

Косвенным образом об актуализации «шифтерной» функции оборота *тот еще / еще тот* свидетельствуют контексты, в которых одномоментно, в модусе «языковой игры», реализуются оба варианта, например: *Где-то за углом должен быть магазин, расположенный в 1975 году,*

исполненный вин моих, выстроившихся в свой наступивший черед, только меня и дожидаются, я последний остался. *Магазинчик тот еще — еще тот!* — на ночь с тех пор, кажется, не закрывался [Валерий Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011].

Таким образом, становится понятно, почему, присоединяясь к существительному с эксплицитно выраженной негативной оценочностью, анализируемый оборот усиливает эту оценочность. Кстати, это обуславливает и возможность перехода от определительной функции оборота к функции усилительной частицы с семантикой превышения предела допустимого:

Ксафон, конечно, тот еще подлец, но срывать сделку, о которой сам же Серпухину и намекнул, было не в его интересах [Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)]. — В этом случае говорящему можно приписать примерно такую интенцию: 'в моем мире то, что он подлец, является нормой, но он превышает эту норму подлости'.

Установка на выражение превышения предела допустимого приводит к специфическим прагмасемантическим эффектам и в так называемых «позитивно-оценочных» контекстах. С одной стороны, мы можем наблюдать прагмасемантический эффект усиления эксплицитной позитивной оценочности определяемого существительного, например:

Игрушки, вышедшие из-под руки одного мастера. И мастер тот еще. Мастер с большой буквы [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все (2001)];

И будут правы — один Незнамов чего стоит, да и Фирсов — еще тот принципиальнейший и честнейший следователь, и справедливый руководитель... [Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)].

Однако, как было показано в ряде наших работ, в национально обусловленной системе ценностей русского мира любая чрезмерность, излишне сильное проявление чего-либо как индикатор отклонения от нормы потенциально оценивается отрицательно даже в случае оценки самого явления как положительного (по расхожей модели 'лучшее — враг хорошего') [1; 8]. Это обусловило возможность порождения в разговорной речи современных носителей русского языка не отмеченных в научной литературе и лексикографических источниках, но весьма частотных в корпусном материале контекстов так называемого «иронического остраниения», при котором выражение *тот еще / еще тот*, употребляясь при существительном, эксплицитно выражающем положительную оценочность, меняет знак имплицитной оценочности по модели иронии:

Тож же та еще разумница... едва шесть классов кончила, и пьянка была, и все... с парнями сколько моталась — это ж ужас, это ж ужас!.. никакого сладу с нею не было [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

Ехать из Ложкина в Москву с мигренью! Еще то удовольствие. Вы хорошо знали Настю Кусякину? — перевела я разговор на другую тему [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)].

В ряде примеров установка на ироническое переосмысление исходной позитивно-оценочной семантики определяемого слова выражается посредством так называемых «иронических кавычек»:

Слава Богу, постеснялись ее на русский язык перевести, а «шедевр» еще тот... [Воспоминания о Воронеже военных лет (форум) (2007)];

Злодей из «Спауна» вообще не запомнился. Там сам Спаун — тот ещё «герой» [Форум: Лучшие злодеи в кино Топ-25 (2013)].

Кстати, подобному «ироническому остраниению» могут подвергаться и внеоценочные субстантивные номинации: *В 1944-м он добьется «творческого отпуска» (та еще формулировка — выходит, в основное время писатели занимались нетворческими делами?) ради написания «Молодой гвардии», в 1946-м вернется на свой пост — уже как генеральный секретарь и председатель правления* [В.О. Авченко. Фадеев (2017)].

При этом в контексте погашаются потенциальные положительно-оценочные семы или коннотации определяемого слова и актуализуется его возможное негативно-оценочное понимание: *Напротив огромной каменной черепахи древнего государства чжурчжэней, символом которого была,*

встал в бронзе линейный казак. Это он высадился на Утесе с войском и назвал поселение в честь своего соплеменника. А с черепахой (*та еще путешественница!*) чуть не вышла история [Вячеслав Стефаненко. Город // «Дальний Восток», 2019].

Отметим, что актуализация функции интенсификатора, переводящего определяемое слово из положительно-оценочного или нейтрального режима восприятия в негативно-оценочный, может осуществляться за счет помещения в «иронические кавычки» уже не определяемого слова, а самого интенсификатора, например: *Сразу стоит сказать, что **контингент**, с которым выпало работать Антону Семеновичу, был «еще тот».* Многие дети к моменту попадания в колонии вели устойчиво преступный образ жизни... [Александр Алексеев. Особенности национальной педагогики (2003) // «Спецназ России», 15.05.2003].

Все приведенные выше примеры могут свидетельствовать о том, что, видимо, в языковом сознании современных носителей языка все же так или иначе интуитивно ощущается какой-то негативно-оценочный шлейф, стоящий за моделью *тот еще / еще тот X*, какая-то неявная, скрытая установка на понижение ценностного регистра в восприятии обозначаемого лица, объекта, явления или ситуации в целом.

Еще одним подтверждением наличия имплицитной негативной оценочности модели *тот еще / еще тот X* являются контексты ее употребления в стилистической фигуре умолчания, где отрицательно-оценочная интерпретация только подразумевается, целиком опускаясь в прагматическую область невербализованных смыслов:

*Если да, то эта хрень работать вообще не будет, так что вы следите, чтобы не унесли, **народ** сейчас пошел тот еще...* [Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013];

А ведь наша семейка еще та... Правда, отец вроде стал почти человеком, да и мама определенно переменилась, в кои-то веки для дочки постаралась, купила не то, что нужно, а то, что красиво [Мария Галина. Добро пожаловать в нашу прекрасную страну! (2013)].

В таких случаях, очевидно, мы можем говорить об использовании **коммуникативной стратегии эвфемизации**, когда посредством ввода в диалогический дискурс шифтера *тот еще / еще тот* говорящий намекает на некоторую отрицательную характеристику или некоторое отрицательное отношение, которые по умолчанию известны адресату и потому не обозначены прямо:

*Ленке, говорили, не повезло. // — **Мать-то та еще.** // — Кто? — спрашивала Ленка. // — **Та еще,** — по голове гладили* [Виктория Дергачёва. Монологи // «Сибирские огни», 2013];

*Иногда Лена отзывалась о бабушке-теще с недоверием, брезгливо. Тогда Пальчиков говорил: «**Бабушка** у нас, конечно, **еще та**, но теперь ты не права. Если кого бабушка и любит, то только тебя, Лена. Тебя она действительно любит и всегда любила»* [А.Н. Бузулукский. Пальчиков // «Волга», 2014].

Доказательством реального наличия установки говорящего на смягченное эвфемистическое обозначение негативных характеристик посредством употребления оборота *тот еще / еще тот* является экспликация самого речевого намерения эвфемизации в модусе метаязыкового включения, например: — *Разуй глаза, **она та еще...** (затрудняюсь в выборе эвфемизма), на что ей мужик-развалина — верно, Шур?!* [Ирина Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014].

Проще говоря, мы можем утверждать, что если в дальнейшем контексте отсутствует какое-либо разъяснение, какая-либо конкретизация того, что имеет в виду говорящий, то по умолчанию оборот *тот еще / еще тот* всегда обозначает что-то вроде 'плохой, неправильный, никуда не годный и под.'

Корпусно-дискурсивный анализ позволил выявить еще один аспект в развитии негативно-оценочного потенциала модели *тот еще / еще тот X* в современной русской речи. Речь идет о ее роли в языковом выражении такой специфической разновидности ценностей в национальной аксиосфере, как псевдоценность, то есть в каком-то отношении ложная, мнимая ценность: это ценность «не безусловная, не самоочевидная, она нуждается в каком-то обосновании и актуальна только при наличии некоторых дополнительных условий. Иными словами, это изначально

что-то плохое (или просто внеоценочное), которое лишь в определенных обстоятельствах может расцениваться как нечто хорошее» [1, с. 178]. Таким образом, псевдоценности может быть приписана следующая концептуальная схема: 'X по умолчанию, скорее всего, плохо, но в каком-то отношении, при определенных условиях, может быть хорошо'. Ранее нами было показано, что к таким псевдоценностям в русском мире относятся, например, такие номинации, как карьеризм, эгоизм, индивидуализм, успешность, рациональность и под.).

Диагностика псевдоценностей в речи осуществляется посредством обоснованного в наших работах аналитического инструментария «репрезентативных контекстов», то есть выявления узусуальных, типичных, стандартных коллокаций тестируемой единицы, сочетание с которыми однозначно выявляет наличие интересующего нас значения, которое в других контекстных условиях не проявляется или нейтрализуется [1, с. 173–174]. В числе таковых контекстов для выявления псевдоценностей в наших работах были обнаружены такие контексты, как метаязыковые выражения *в хорошем смысле слова, по-хорошему*, прилагательные *небезызвестный, пресловутый*, местоимение-прилагательное *некий* и некоторые другие.

Как показало настоящее исследование, оборот *тот еще / еще тот* также можно рассматривать как репрезентативный контекст для выражения псевдоценностей, о чем свидетельствуют многочисленные примеры сочетаемости этого оборота с существительными, которые эксплицитно не выражают отрицательной оценки:

И дед мой, отец моей мамы, точно так же переходил от белых к красным и обратно, а по пути еще заруливал к каким-нибудь бандитам. Тот еще был деятель, как я понимаю [Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015)];

Лучше бы ты учила психологию (хотя она тоже наука та еще) или пошла бы со мной в культпоход [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)].

Здесь оборот *тот еще / еще тот* выступает как модальный оператор, переводящий восприятие определяемого слова из модуса реальности в модус мнимости, кажимости. Говорящий как бы выражает сомнение в подлинности явления, в соответствии его общепринятого статуса действительности или существующим стандартам → 'X ненастоящий, ложный, сомнительный, неправильный':

Получился бы тот ещё шедевр – неудачно сотворённые твари кособоко щерятся Демиургу в лицо и, кривляясь, канючат: «Ты испо-о-о-ортил нас! [Азамат Козаев. Джокер (2007)];

– Бабушка! – воскликнула Аня. // – Что бабушка? Еще тот экстрагенс был. А теперь моя доченька, Анина мамочка, за вторым мужем который год по северам мотается. И хоть бы денег зарабатывали, куда там! Голь перекатная [Н.В. Нестерова. Укус змеи (2010)];

Хорошо, что абонент не видит – актриса она еще та, но на голосе, на интонации мускульные усилия сказываются как надо [Ольга Новикова. Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012].

В целях нашего исследования важно, что во всех этих случаях посредством использования «шифтера» *тот еще / еще тот* реализуется установка говорящего на снижение ценностного регистра в восприятии опорного слова.

Микродиахронический корпусный анализ. Корпусные данные позволяют сделать и некоторые наблюдения в области того, что в последнее время именуют «микродиахронические корпусные исследования» [16], то есть датировать возникновение того или иного слова или выражения, а также оценить динамику изменения его значения во времени по близким хронологическим периодам, например, от XIX к XXI вв. Применительно к интересующей нас модели *тот еще / еще тот X* наши данные подтверждают мнение исследователей о том, что его самые ранние корпусные вхождения отмечаются примерно в 1960-е гг.¹¹

¹¹ Друговейко-Должанская С.В. То еще выраженьице... [Электронный ресурс] // Культура письменной речи: Портал GRAMMA.RU. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.84> (дата обращения: 17.04.2025); Левонтина И.Б. Милые улики [Электронный ресурс] // Ворчалки о языке: Портал СТЕНГАЗЕТА. 26.11.2008 // URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=5520> (дата обращения: 17.04.2025).

Также в сформированном нами подкорпусе за хронологический период 1800–1940 гг. указанный оборот не практически не встречается. Мы обнаружили только один пример от 1853–1855 гг., который условно можно трактовать как валидный: *Чего легче! Стоило, примерно, так счесть (и старик показал пальцами): первый, другой (тут он пропустил средний палец и, пригнув следующий, договорил), четвертый... хе-хе! Он засмеялся тихим серебряным смехом и продолжал: Немудрено, да и та еще выгода: счет спорей пойдет...* [Н.А. Некрасов. Тонкий человек, его приключения и наблюдения (1853–1855)].

Нетрудно видеть, что в этом примере нет отрицательной оценочности; в данном контексте реализовано значение: ‘в значительной степени выделяющийся по характеристикам, свойствам, признакам, присущим определяемому понятию’. Этот факт может косвенно свидетельствовать о том, что развитие негативной оценочности для данного оборота есть явление более позднего времени, о чем, кстати, упоминает и И.Б. Левонтина¹².

Кроме того, отметим, что в указанном фрагменте имитируется живая непринужденная разговорная речь, тогда как большинство корпусных данных за XIX в. по преимуществу ориентированы на отражение письменной речи (то есть проблема коренится в особенностях формирования корпуса этого хронологического периода, в практической невозможности собрать достаточно репрезентативный материал именно по разговорной речи XIX в.). Иначе говоря, можно допустить, что в устной речи интересующее нас выражение появилось гораздо раньше отмеченной исследователями даты — 1940-е гг.¹³

Количественный анализ корпусных данных. В соответствии с принятой концепцией исследования, на его завершающем этапе осуществляется количественный анализ контекстов по наличию имплицитной негативной/позитивной оценочности или по отсутствию таковой. Анализ проводится по первым ста вхождениям в основной корпус Национального корпуса русского языка отдельно по вариантам *тот еще* и *еще тот* (табл. 1).

**Таблица 1. Количественный анализ контекстов
с имплицитной оценочностью для вариантов *тот еще* и *еще тот*
Table 1. Quantitative analysis of contexts
with implicit evaluativeness for the variants *tot yeshche* and *yeshche tot***

Тип оценочности	<i>тот еще</i> (частотность в %)	<i>еще тот</i> (частотность в %)
Контексты с негативной оценочностью	69	67
Нейтральные, внеоценочные контексты	22	17
Контексты с позитивной оценочностью	9	16

Результаты количественного анализа подтверждают сделанные ранее наблюдения о значительном преобладании контекстов употребления модели *тот еще* / *еще тот* с имплицитной негативной оценочностью: отмечается практически двукратное превышение количества негативно-оценочных контекстов над количеством нейтральных и позитивно-оценочных контекстов вместе взятых (69 % против 22% + 9% для *тот еще* и, соответственно, 67 % против 17% + 16 % для *еще тот*).

¹² Левонтина И.Б. Милые улики [Электронный ресурс] // Ворчалки о языке: Портал СТЕНГАЗЕТА. 26.11.2008 // URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=5520> (дата обращения: 17.04.2025).

¹³ Друговейко-Должанская С.В. То еще выраженьице... [Электронный ресурс] // Культура письменной речи: Портал GRAMMA.RU. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.84> (дата обращения: 17.04.2025); Левонтина И.Б. Милые улики [Электронный ресурс] // Ворчалки о языке: Портал СТЕНГАЗЕТА. 26.11.2008 // URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=5520> (дата обращения: 17.04.2025).

Заключение

Представленный в настоящем исследовании научный инструментарий корпусно-дискурсивного анализа имплицитной оценочности слов и выражений русского языка позволил обнаружить и интерпретировать ряд значимых семантических свойств и прагматических функций модели *тот еще / еще тот X* в современной разговорной речи. Предлагаемая в работе процедура исследования имеет значительный аналитический потенциал в объективации и верификации интуитивных наблюдений исследователя на репрезентативном массиве корпусных данных.

Микродискурсивный корпусный анализ и количественный анализ корпусных материалов с обязательной последующей содержательной интерпретацией полученных данных способствуют выявлению разнообразных смысловых и коннотативно-оценочных элементов анализируемой модели, которые не описаны в словарях и в научной литературе, но при этом реально имеют место в речевых практиках носителей современного русского языка, отражают их реальную языковую компетенцию.

Универсальность и простота нашей методики корпусно-дискурсивного анализа позволяют распространить ее на разные типы дискурса, разные источники, разные временные промежутки и пр. на предмет установления как вариативности имплицитной оценочности самих анализируемых единиц, так и особенностей коллокатов, генерирующих тот или иной тип оценки. Также методика позволяет оценить динамику смысловых и функциональных изменений анализируемых единиц во времени, при их сопоставлении по близким хронологическим периодам, например от XIX к XXI вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радбиль Т.Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 6. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
2. Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А. Новые тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2016. 304 с.
3. Радбиль Т.Б., Ясаи Л., Палоши И. Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 1. С. 101–121. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121
4. Чернявская В.Е. Деонтическое значение ключевого слова в дискурсе: Westliche Werte (западные ценности) в немецком общественном пространстве как предмет анализа, направляемого корпусом // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 1. С. 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106
5. Чернявская В.Е., Хохлова М.В. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы. М.: URSS, 2024. 224 с.
6. Scarantino A. How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics // Psychological Inquiry. 2017. Vol. 28, Iss. 2–3. P. 65–185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951
7. Noveck I. Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 282 p. DOI: 10.1017/9781316027073
8. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Щеникова Е.В., Жданова Е.А., Самыличева Н.А., Куликова В.А. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.
9. Firth J.R. Papers in Linguistics: 1934–1951. London: Oxford University Press, 1957. 233 p.
10. Sinclair J.M. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.
11. Louw B., Milojkovic M. Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext. Amsterdam: John Benjamins, 2016. 420 p. DOI: 10.1075/lal.23
12. Нефедов С.Т. Катализаторы оценки: как распознать оценочные смыслы // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 11. С. 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945

13. **Кондратенко П.И.** Катализаторы оценки в немецко- и русскоязычных научных рецензиях по лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. № 21, № 4. С. 866–885. DOI: 10.21638/spbu09.2024.406

14. **Клочкова Е.С.** Стратегии оценки в открытой научной рецензии: полярность оценки и вариативность ее репрезентации // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 2. С. 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204

15. **Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В.** Лингвистические принципы и методы компьютерной лингвистики для решения задач sentiment-анализа русскоязычных текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 1 (29). С. 139–148. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148

16. **Олонцев А.А.** Семантическая и функциональная дифференциация лексемы «охотно»: опыт микродиахронического корпусного анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 5. С. 235–242. DOI: 10.32326/19931778_2024_5_235

REFERENCES

[1] **Radbil T.B.**, Linguistic embodiment of values in internet media discourse: a corpus analysis of representative contexts (the lexeme ‘po-khoroshemu’), *Nauchnyi dialog*, 12 (6) (2023), 170–189. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189>

[2] **Radbil T.B., Marinova Ye.V., Ratsiburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V., Shchenikova Ye.V., Vinogradov S.N., Zhdanova Ye.A.**, *Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* [New Trends in the Russian language at the Beginning of the 21st Century], ed. by L.V. Ratsiburskaya, Flinta, Nauka, Moscow, 2016.

[3] **Radbil T.B., Jaszay L., Palosi I.**, Linguopragmatic Potential of Active Processes in Russian Neological Word Formation of Latest Period), *Nauchnyi dialog*, 11 (1) (2022), 101–121. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121

[4] **Chernyavskaya V.E.**, Deontic meaning of a discursive key word: corpus-assisted analysis of westliche Werte (western values), *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

[5] **Chernyavskaya V.E., Khokhlova M.V.**, *Diskursivnyy analiz teksta i korpusnyye metody* [Discourse Analysis of Text and Corpus Methods], URSS, Moscow, 2024.

[6] **Scarantino A.**, How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics, *Psychological Inquiry*, 28 (2–3) (2017) 65–185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951

[7] **Noveck I.**, *Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*, Cambridge University Press, Cambridge, 2021. DOI: 10.1017/9781316027073

[8] **Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Shchenikova Ye.V., Zhdanova Ye.A., Samylicheva N.A., Kulikova V.A.**, *Russkiy yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Russian Language in Internet Communication: Linguocognitive and Pragmatic Aspects], ed. by L.V. Ratsiburskaya, Flinta, Moscow, 2021.

[9] **Firth J.R.**, *Papers in Linguistics: 1934–1951.*, Oxford University Press, London, 1957.

[10] **Sinclair J.M.**, *Corpus, Concordance, Collocation*, Oxford University Press, Oxford, 1991.

[11] **Louw B., Milojkovic M.**, *Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext*, John Benjamins, Amsterdam, 2016. DOI: 10.1075/lal.23

[12] **Nefedov S.T.**, Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15 (11) (2022) 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945

[13] **Kondratenko P.I.**, Evaluation catalysts in German and Russian academic reviews in linguistics, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21 (4) (2024) 866–885. DOI: 10.21638/spbu09.2024.406

[14] **Klochkova Ye.S.**, Evaluation strategies in open peer-review: Polarity of evaluation and representational variability, *Terra Linguistica*, 16 (2) (2025) 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204

[15] **Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Malikova A.V.**, Linguistic principles and computational linguistics methods for the purposes of sentiment analysis of Russian texts. *Aktual’nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 1 (29) (2018) 139–148. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148

[16] **Olontsev A.A.**, Semanticheskaya i funktsionalnaya differentsiatsiya leksemy «okhotno»: opyt mikrodiakhronicheskogo korpusnogo analiza [Semantic and functional differentiation of the lexeme "okhotno": an experiment in microdiachronic corpus analysis], Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 5 (2024) 235–242. DOI: 10.32326/19931778_2024_5_235

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Радбиль Тимур Беньюминович

Timur B. Radbil

E-mail: timur@radbil.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

Поступила: 21.07.2025; Одобрена: 08.09.2025; Принята: 17.09.2025.

Submitted: 21.07.2025; Approved: 08.09.2025; Accepted: 17.09.2025.